



Валентин Петрович Катаев
Сказки и рассказы
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8217568*

*Сказки и рассказы [вступ. ст. О. Новиковой; примеч. редакции]: Дет. лит.; Москва; 2008
ISBN 978-5-08-004233-1*

Аннотация

В сборник наряду с известными и любимыми детьми сказками «Цветик-семицветик», «Дудочка и кувшинчик», «Голубок», «Жемчужина», «Пень» и «Грибы» вошли рассказы разных лет «Весенний звон», «Барабан», «Человек с узлом», «Сон», «Черный хлеб», «Флаг» и другие.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Жизнь со вкусом	6
Сказки	10
Дудочка и кувшинчик	12
Цветик-семицветик	17
Голубок	24
Жемчужина	26
Пень	34
Грибы	36
Рассказы	38
Весенний звон	40
Ружье	52
Барабан	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Валентин Петрович Катаев
Сказки и рассказы
(Сборник)



Иван Иванович Катаев.

1897–1986

Жизнь со вкусом



Писатель Валентин Катаев прожил большую и красивую жизнь. Он оставил книги, читая которые мы можем научиться жить со вкусом, не пропуская того интересного, что нас окружает каждый день и каждый час.

Вместе с писателем мы увидим, как фонари жидким золотом плещутся в лужах, как в ночном небе крупные созвездия дрожат и переливаются от холода, как в лесу молодая береза роняет «по одному свои золотые зубчатые листочки». Заметим, что хризантемы бывают «пышными и вычурными, как напудренные головы маркиз», а подводные камни просвечивают в морской воде, как черепаховый гребень. Расслышим, что автомобили «кашляют», что в ночной тишине старый пустой гардероб «стреляет», рассыхаясь. Почувствуем, как «пахнет мокрой землей, нераспустившейся сиренью», морским туманом.

Мир вокруг сделается цветным, звучащим и одушевленным.

Валентин Петрович Катаев родился 28 января 1897 года в Одессе, в семье учителя. Родители его были классическими русскими интеллигентами, то есть образованными, совестливыми и сердечными людьми. Одухотворенная семейная атмосфера, годы, проведенные в одном из самых колоритных городов на берегу Черного моря... Такое детство можно

описывать всю жизнь. И на протяжении всего своего творческого пути Катаев возвращался к той поре: многие его произведения, их герои, сюжеты очень автобиографичны.

Особенно полно тему детства Катаев развил в цикле романов «Волны Черного моря» (самый знаменитый из них назван лермонтовской строкой «Белеет парус одинокий»). Свою семью он вывел под фамилией Бачей (девичья фамилия его матери), а себя назвал Петей. Петя и его друг Гаврик со временем стали, как говорят теперь, культовыми персонажами.

О своем детстве Катаев написал еще и книгу «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», а историю своих предков изложил в книге «Кладбище в Скулянах». С возрастом память подсказывала ему все новые и новые подробности.

Как многие молодые литераторы того времени, Катаев начал со стихов. Впервые он напечатался в 1910 году, будучи гимназистом. Надо сказать, что стихи получались у него весьма недурные.

А дома – крепкий чай, раскрытая тетрадь,
Где вяло начата небрежная страница.
Когда же первая в окне мелькнет зарница,
А в небе месяца сургучная печать,
Я вновь пойду к обрывам помечтать
И посмотреть, как море фосфорится.

Это из сонета под названием «Июль», написанного в 1914 году, перед началом Первой мировой войны. Склонность к точным деталям, зрелищность сравнений – эти черты Катаев потом перенесет в рассказы и романы. Стихи будет сочинять время от времени, но главное его призвание – быть поэтом в прозе. Как друг Катаева Юрий Олеша. Как Владимир Набоков, с которым они никогда лично не встречались, но в творческом отношении имеют много сходного.

В раннем рассказе «Весенний звон» повседневная жизнь гимназиста-второклассника предстает как сложный и многогранный процесс формирования личности. Юный герой склонен к авантюризму, вместе с приятелями предается бесчинствам, курит «дрянные горькие папиросы» с поэтичным названием «Муза», получает двойки... Но вот наступает Страстная неделя, и в подростковом пробуждается жажда самосовершенствования. «Каждый день утром и вечером я хожу в церковь, и каждый день я нахожу в ней что-то светлое, тихое и грустное».

Религиозное чувство показано здесь без малейшей приторности, без какого-либо морализирования. Это чувство прежде всего эстетическое, оно сливается с переживанием красоты и богатства окружающей природы. «Я гляжу на чуткие бледные звезды и на тонкий серп совсем молодого серебряного месяца, и мне становится стыдно... Я даю себе честное слово навсегда исправиться. И твердо верю, что исправлюсь, непременно исправлюсь».

Герой влюблен в девочку Таню и ревнует ее к «хорошенькому реалисту» Витьке. Поддавшись недоброму чувству, он доносит Витькиной матери, что ее сын курит, а потом приходит в ужас: «Я юда, доносчик, скотина!» Жаргонное словечко «юда» в контексте рассказа соотносится с евангельской фигурой Иуды как символа предательства.

Сложный комок чувств, настоящая «диалектика души» в духе Льва Толстого. Герой все-таки находит в себе мужество честно покаяться перед Витькой и к пасхальному дню снимает с души грех. Но его ждет новое испытание: при встрече с Таней придется христосоваться, а для мальчика «в любви самое паршивое это то, что надо целоваться». В итоге уда-

ется обойтись без поцелуя, и это приносит облегчение. Тонкий юмор в изображении героя делает его понятным и интересным для читателя любого возраста.

В 1915 году гимназист Катаев пошел добровольцем в армию. Был дважды ранен, получил звание прапорщика. В 1919 году был мобилизован в Красную армию.

По окончании Гражданской войны занимался нелегким трудом «поэта революции» и «агитатора», что выразительно описано в рассказе «Черный хлеб». В 1922 году писатель переезжает в Москву, где работает в легендарной газете «Гудок», литературными сотрудниками которой были многие будущие знаменитости: Михаил Булгаков, Юрий Олеша, Илья Ильф.

Катаев работает в самых разных жанрах. Успех ему приносит авантюрная повесть «Растратчики». Умением «закрутить» сюжет он щедро делится с другими. Именно он «подбросил» своему брату, Евгению Петрову, и его соавтору, Илье Ильфу, интригу для будущего шедевра «Двенадцать стульев». Пьеса Катаева «Квадратура круга» ставится во МХАТе, а потом идет по всей стране.

«Время, вперед!» – так с подачи Маяковского назвал Катаев роман-хронику о тружениках пятилетки, написанную в 1932 году. Оптимистический пафос, который царил в литературе того времени, совпал с внутренним настроением писателя-жизнелюба. Однако, став признанным и благополучным советским писателем, он чувствует, что утратил нечто очень важное, некую свободу творчества. Он сам не в восторге от многих своих произведений военного и послевоенного времени, например, от идиллической повести «Сын полка», удостоенной Сталинской премии.

А вот фантастические сказки, написанные Катаевым в 1940-е годы, глубоко искренни и правдивы. Он сочинял их не только для печати, но и для своих собственных детей, Жени и Павлика, чьи имена даны главным героям. Как сказочник Катаев бывает и добрым: «Дудочка и кувшинчик», «Цветик-семицветик», и строгим: «Жемчужина» – приговор самолюбованию и гордыне, «Пень» – притча о бренности авторитета и власти.

Катаеву интересен мир молодежи. Услышав, что планируется создание журнала для подростков, он с азартом борется за место главного редактора, а получив должность, создает журнал «Юность». Он сам придумал такое «лев-толстовское» и совсем не комсомольское название, сумел отстоять его. В стране тогда шла борьба с так называемыми стилягами, а Катаев стал наряду с признанными и именитыми авторами активно печатать именно их, молодых и раскованных приверженцев свободного стиля жизни. В «Юности» начали свой путь многие поэты и прозаики новаторского склада: Василий Аксенов, Анатолий Гладилин, Фазиль Искандер, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко.

Работа с молодежью и самому Катаеву давала новый творческий импульс.

И уже в почтенном возрасте он начинает новую жизнь в литературе, обращая свой взгляд к прошлому и открывая там бесконечный мир, как это сделал французский классик XX века Марсель Пруст в своей эпопее «В поисках утраченного времени». В журнале «Новый мир» появляются катаевские произведения «Святой колодец» и «Трава забвения». Автор не хотел называть их ни романами, ни повестями, ни тем более мемуарами. Это новый жанр, на границе прозы и поэзии, созданный самим Катаевым.

С этого момента начинается судьба «нового Катаева». В противовес социалистическому реализму, в русле которого тогда работали многие писатели, он выдвигает шуточный принцип «мовизма» (от французского слова «плохой»). То есть не хочу писать по-вашему хорошо, буду писать «плохо», но по-своему.

Катаев дерзил. Не боялся бросить вызов всему литературному сообществу. В 1978 году появилась его сенсационная вещь – «Алмазный мой венец», веселое повествование о блестящих поэтах и прозаиках 1920-х годов, где реальные факты перемешаны с авторской выдум-

кой. Это своего рода волшебный театр, где все появляются в масках, всем даны условные имена.

Читатель вовлекается в литературную игру. Он сам должен догадаться, что Командор – это Маяковский, бюджетянин – Хлебников, под маской «королевича» скрывается Есенин, «мулат» – Пастернак, «щелкунчик» – Мандельштам, «синеглазым» окрещен Булгаков, «штабс-капитаном» – Зощенко, «конногвардейцем» – Бабель...

Автору пеняли на «фамильярность» изображения легендарных писателей, тем более что судьбы их сложились трагично. Но Катаев, стирая со своих героев «хрестоматийный глянец», тем самым приближал их к читателю. Перед нами не доподлинная картина жизни, а фантастическое действо, демонстрация непобедимой силы талантов. Гении навсегда остаются юными – такая мысль прочитывается в «Венце».

И сам Катаев до последних дней сохранял дух молодости и бунтарства. «Уже написан Вертер» – этой пастернаковской строкой названо повествование о большевистском терроре в Одессе послереволюционных лет, о бессмысленности борьбы за «мировую революцию», низости и жестокости тех, кто считался ее «рыцарями». А достигнув 85-летия, Катаев публикует «Юношеский роман», где по-новому описывает события Первой мировой войны, уже не от своего имени, а от имени вымышленного героя Саши Пчелкина.

Мне довелось часто встречаться и беседовать с Валентином Петровичем, когда я была редактором его самого большого собрания сочинений. Последний, десятый том Катаев взял в руки в больнице, перед своей кончиной 12 апреля 1986 года.

Валентин Петрович был открыт и смел в общении с людьми. Не боялся кривотолков и непонимания. Своей приязнью и доверием он окрылял, как бы делился своим творческим капиталом. При этом он никогда не поучал и не произносил проповедей.

Думаю, и юный читатель заразится от Катаева смелостью, творческим отношением к жизни и к слову.

Ольга Новикова

Сказки





Дудочка и кувшинчик



Поспела в лесу земляника.

Взял папа кружку, взяла мама чашку, девочка Женя взяла кувшинчик, а маленькому Павлику дали блюдечко.

Пришли они в лес и стали собирать ягоду: кто раньше наберет.

Выбрала мама Жене полянку получше и говорит:

– Вот тебе, дочка, отличное местечко. Здесь очень много земляники. Ходи собирай.

Женя вытерла кувшинчик лопухом и стала ходить.

Ходила-ходила, смотрела-смотрела, ничего не нашла и вернулась с пустым кувшинчиком.

Видит – у всех земляника. У папы четверть кружки. У мамы полчашки. А у маленького Павлика на блюдечке две ягоды.

– Мама, а мама, почему у всех у вас есть, а у меня ничего нету? Ты мне, наверное, выбрала самую плохую полянку.

– А ты хорошенько искала?

– Хорошенько. Там ни одной ягоды, одни только листики.

– А под листики ты заглядывала?

– Не заглядывала.

– Вот видишь! Надо заглядывать.

– А почему Павлик не заглядывает?

– Павлик маленький. Он сам ростом с землянику, ему и заглядывать не надо, а ты уже девочка довольно высокая.

А папа говорит:

– Ягодки – они хитрые. Они всегда от людей прячутся. Их нужно уметь доставать. Гляди, как я делаю.

Тут папа присел, нагнулся к самой земле, заглянул под листики и стал искать ягодку за ягодкой, приговаривая:

– Одну ягодку беру, на другую смотрю, третью примечаю, а четвертая мерещится.

– Хорошо, – сказала Женя. – Спасибо, папочка. Буду так делать.

Пошла Женя на свою полянку, присела на корточки, нагнулась к самой земле и заглянула под листики. А под листиками ягод видимо-невидимо. Глаза разбегаются. Стала Женя рвать ягоды и в кувшинчик бросать. Рвет и приговаривает:

– Одну ягоду беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвертая мерещится.

Однако скоро Жене надоело сидеть на корточках.

«Хватит с меня, – думает. – Я уж и так, наверное, много набрала».

Встала Женя на ноги и заглянула в кувшинчик. А там всего четыре ягоды.

Совсем мало! Опять надо на корточки садиться. Ничего не поделаешь.

Села Женя опять на корточки, стала рвать ягоды, приговаривать:

– Одну ягоду беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвертая мерещится.

Заглянула Женя в кувшинчик, а там всего-навсего восемь ягодок – даже дно еще не закрыто.

«Ну, – думает, – так собирать мне совсем не нравится. Все время нагибайся да нагибайся. Пока наберешь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно. Лучше я пойду поищу себе другую полянку».

Пошла Женя по лесу искать такую полянку, где земляника не прячется под листиками, а сама на глаза лезет и в кувшинчик просится.

Ходила-ходила, полянки такой не нашла, устала и села на пенек отдыхать. Сидит, от нечего делать ягоды из кувшинчика вынимает и в рот кладет. Съела все восемь ягод, заглянула в пустой кувшинчик и думает: «Что же теперь делать? Хоть бы мне кто-нибудь помог!»

Только она это подумала, как мох зашевелился, мурава раздвинулась, и из-под пенька вылез небольшой крепкий старичок: пальто белое, борода сизая, шляпа бархатная и поперек шляпы сухая травинка.

– Здравствуй, девочка, – говорит.

– Здравствуй, дяденька.

– Я не дяденька, а дедушка. Аль не узнала? Я старик боровик – коренной лесовик, главный начальник над всеми грибами и ягодами. О чем вздыхаешь? Кто тебя обидел?

– Обидели меня, дедушка, ягоды.

– Не знаю... Они у меня смирные. Как же они тебя обидели?

– Не хотят на глаза показываться, под листики прячутся. Сверху ничего не видно. Нагибайся да нагибайся. Пока наберешь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

Погладил старик боровик, коренной лесовик свою сизую бороду, усмехнулся в усы и говорит:

– Сущие пустяки! У меня для этого есть специальная дудочка. Как только она заиграет, так сейчас же все ягоды из-под листиков и покажутся.

Вынул старик боровик – коренной лесовик из кармана дудочку и говорит:

– Играй, дудочка!

Дудочка сама собой заиграла, и, как только она заиграла, отовсюду из-под листиков выглянули ягоды.

– Перестань, дудочка!

Дудочка перестала, и ягодки спрятались.

Обрадовалась Женя.

– Дедушка, дедушка, подари мне эту дудочку!

– Подарить не могу. А давай меняться: я тебе дам дудочку, а ты мне кувшинчик – он мне очень понравился.

– Хорошо. С большим удовольствием.



Отдала Женя старику боровику – коренному лесовику кувшинчик, взяла у него дудочку и поскорей побежала на свою полянку. Прибежала, стала посередине, говорит:
– Играй, дудочка!

Дудочка заиграла, и в тот же миг все листики на полянке зашевелились, стали поворачиваться, как будто бы на них подул ветер.

Сначала из-под листиков выглянули самые молодые, любопытные ягодки, еще совсем зеленые. За ними высунули головки ягоды постарше – одна щечка розовая, другая белая. Потом выглянули ягоды вполне зрелые – крупные и красные. И наконец с самого низу показали ягоды-старички, почти черные, мокрые, душистые, покрытые желтыми семечками.

И скоро вся полянка вокруг Жени оказалась усыпанной ягодами, которые ярко горели на солнце и тянулись к дудочке.

– Играй, дудочка, играй! – закричала Женя. – Играй быстрее!

Дудочка заиграла быстрее, и ягод высыпало еще больше – так много, что под ними совсем не стало видно листиков.

Но Женя не унималась:

– Играй, дудочка, играй! Играй еще быстрее!

Дудочка заиграла еще быстрее, и весь лес наполнился таким приятным проворным звоном, точно это был не лес, а музыкальный ящик.

Пчелы перестали сталкивать бабочку с цветка; бабочка захлопнула крылья, как книгу; птенцы малиновки выглянули из своего легкого гнезда, которое качалось в ветках бузины, и в восхищении разинули желтые рты; грибы поднимались на цыпочки, чтобы не проронить ни одного звука, и даже старая лупоглазая стрекоза, известная своим сварливым характером, остановилась в воздухе, до глубины души восхищенная чудной музыкой.

«Вот теперь-то я начну собирать!» – подумала Женя и уже было протянула руку к самой большой и самой красной ягоде, как вдруг вспомнила, что обменяла кувшинчик на дудочку и ей теперь некуда класть землянику.

– У, глупая дудка! – сердито закричала девочка. – Мне ягоды некуда класть, а ты разыгралась. Замолчи сейчас же!

Побежала Женя назад к старику боровику – коренному лесовику и говорит:

– Дедушка, а дедушка, отдай назад мой кувшинчик! Мне ягоды некуда собирать.

– Хорошо, – отвечает старик боровик – коренной лесовик, – я тебе отдам твой кувшинчик, только ты отдай назад мою дудочку.

Отдала Женя старику боровику – коренному лесовику его дудочку, взяла свой кувшинчик и поскорее побежала обратно на полянку.

Прибежала, а там уже ни одной ягодки не видно – одни только листики. Вот несчастье! Дудочка есть – кувшинчика не хватает. Как тут быть?

Подумала Женя, подумала и решила опять идти к старику боровику – коренному лесовику за дудочкой.

Приходит и говорит:

– Дедушка, а дедушка, дай мне опять дудочку!

– Хорошо. Только ты дай мне опять кувшинчик.

– Не дам. Мне самой кувшинчик нужен, чтобы ягоды в него класть.

– Ну так я тебе не дам дудочку.

Женя взмолилась:

– Дедушка, а дедушка, как же я буду собирать ягоды в свой кувшинчик, когда они без твоей дудочки все под листиками сидят и на глаза не показываются? Мне непременно нужно и кувшинчик, и дудочку.

– Ишь ты какая хитрая девочка! Подавай ей и дудочку, и кувшинчик! Обойдешься и без дудочки, одним кувшинчиком.

– Не обойдусь, дедушка.

– А как же другие-то люди обходятся?

– Другие люди к самой земле пригибаются, под листики сбоку заглядывают да и берут ягоду за ягодой. Одну ягоду берут, на другую смотрят, третью замечают, а четвертая мерещится. Так собирать мне совсем не нравится. Нагибайся да нагибайся. Пока наберешь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

– Ах вот как! – сказал старик боровик – коренной лесовик и до того рассердился, что борода у него вместо сизой стала черная-пречерная. – Ах вот как! Да ты, оказывается, просто лентяйка! Забирай свой кувшинчик и уходи отсюда! Не будет тебе никакой дудочки!

С этими словами старик боровик – коренной лесовик топнул ногой и провалился под пенек.

Женя посмотрела на свой пустой кувшинчик, вспомнила, что ее дожидаются папа, мама и маленький Павлик, поскорей побежала на свою полянку, присела на корточки, заглянула под листики и стала проворно брать ягоду за ягодой. Одну берет, на другую смотрит, третью замечает, а четвертая мерещится...

Скоро Женя набрала полный кувшинчик и вернулась к папе, маме и маленькому Павлику.

– Вот умница, – сказал Жене папа, – полный кувшинчик принесла. Небось устала?

– Ничего, папочка. Мне кувшинчик помогал.

И пошли все домой: папа с полной кружкой, мама с полной чашкой, Женя с полным кувшинчиком, а маленький Павлик с полным блюдечком.

А про дудочку Женя никому ничего не сказала.

1940



Цветик-семицветик



Жила девочка Женя. Однажды послала ее мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идет, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: сначала съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур легкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликову бараночку доедает, облизуется.

– Ах, вредная собака! – закричала Женя и бросилась ее догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит – место совсем незнакомое. Больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, старушка.

– Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке все и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела ее в свой садик и говорит:

– Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растет у меня в садике один цветок, называется цветик-семицветик, он все может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он все устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: желтый, красный, зеленый, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

– Этот цветик, – сказала старушка, – не простой. Он может исполнить все, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тотчас делается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила ее до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало. Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

— А ну-ка посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала желтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок. Его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тятя-растяпа! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собою поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни — глядь, а ее любимая вазочка как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала ее гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев¹: сидят на старых досках и в песок воткнута палка.

– Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!

– Чего захотела! Не видишь – это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.

– Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

– Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

– Значит, не принимаете?

– Не принимаем. Уходи!

– И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам – кошкин хвост!



Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток, Через запад на восток, Через север, через юг, Возвращайся, сделав круг. Лишь коснешься ты земли – Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была в летнем платье, с голыми ногами, одна-одинешенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

– Ай, мамочка, замерзаю! – закричала Женя и стала плакать, но слезы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

¹ Папанинцы – героические исследователи Арктики, названные по имени И. Д. Папанина (1894–1986), совершившего вместе с Э. Т. Кренкелем, Е. Ф. Федоровым и П. П. Ширшовым в 1936–1937 гг. девятимесячный дрейф на льдине от Северного полюса до Гренландии.



А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей – и прямехонько к девочке, один другого страшней: первый – нервный, второй – злой, третий – в берете, четвертый – потертый, пятый – помятый, шестой – рябой, седьмой – самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зеленый лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на нее смотрят и смеются:

— Ну, где же твой Северный полюс?

— Я там была.

— Мы не видели. Докажи!

— Смотрите — у меня еще висит сосулька.

— Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколесный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали желтые, как у козы.

«Ну, — думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг, откуда ни возмись, со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шаг, чтобы не наступить на куклу. Представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов еще не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало. За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать еще громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолетов, дирижаблей, планеров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях. Движение в городе остановилось. Поставые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

– Довольно, довольно! – в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. – Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки все валили и валили. Кончились советские, начались американские.

Уже весь город был завален до самых крыш игрушками.

Женя по лестнице – игрушки за ней. Женя на балкон – игрушки за ней. Женя на чердак – игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб игрушки поскорей убирались обратно в магазины.

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

– Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила – и никакого удовольствия. Ну ничего. Вперед буду умнее.

Пошла она на улицу, идет и думает: «Чего бы мне еще все-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило „Мишек“. Нет, лучше два кило „Прозрачных“. Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило „Мишек“, полкило „Прозрачных“, сто граммов халвы, сто граммов орехов и еще, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, все это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трехколесный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Еще, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там все-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах?! Можно велеть чего-нибудь еще гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, веселые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный – сразу видно, что не драчун, – и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела свое лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

– Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

– Витя. А тебя как?

– Женя. Давай играть в салки?

– Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

– Как жалко! – сказала Женя. – Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

– Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

– Ах какие пустяки ты говоришь, мальчик! – воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. – Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

1940



Голубок



С утра лил дождь. Дул сильный ветер. Высокие сосны раскачивались во все стороны, стучаясь сухими ветками. В лесу было сумрачно. Холодная вода стояла в траве по щиколотку.

Женю и Павлика не пустили гулять. Они целый день сидели в комнате и скучали. Вдруг слышат: «Гуль-гуль-гуль».

Дети высунулись в окно, посмотрели вверх и увидели под застрехой² голубка. Как видно, он отстал от своей стаи, заблудился в лесу, вымок и спрятался от непогоды под застреху.

Это был очень красивый голубок, весь белый, в пуховых штанишках, с розовыми глазами.

Он ходил взад-вперед по выступу дома, проворно вертел головкой, чистил клювом мокрые перышки и сам с собой разговаривал: «Гуль-гуль-гуль».

Женя и Павлик очень обрадовались и стали кричать голубку:

– Здравствуй, гуленька! Бедненький гуленька! Иди к нам в комнату, гуленька! Мы дадим тебе каши!

Голубок вежливо отвечал: «Гуль-гуль-гуль», но из-под застрехи не выходил, – наверное, боялся.

Тут дождь пошел еще сильнее, сверкнула молния, загремел гром. Пришла мама, закрыла окно и велела детям есть простоквашу, а потом ложиться спать.

– Мапочка, – сказала Женя, – мы хотим немножечко поиграть с голубком.

– Да, мы хотели немножечко поиграть с голубком, – сказал вслед Павлик, который всегда повторял Женины слова.

Но мама сказала:

– Сегодня уже поздно. Надо ложиться спать. И гуленька пусть ложится спать. А завтра встанете пораньше, будет хорошая погода, и целый день будете играть с гуленькой.

² *Застреха* – нижний, свисающий край крыши у избы.

Дети съели простоквашу, улеглись, но долго еще не могли заснуть. Они лежали, шепотом разговаривая про гуленьку, как они с ним будут играть завтра.

– Завтра я его буду пеленать, – сказала Женя.

– Нет, я его буду завтра запрягать, – сказал Павлик.

– Нет, я его буду купать!

– Нет, я его буду возить!

– Нет, я его буду учить!

Пришла мама и сказала:

– Довольно болтать! Спите!

Женя и Павлик повернулись на другой бок и быстро уснули, чтобы скорее было завтра.

Назавтра они проснулись рано. Дождя не было. Ветра не было. Сосны не шевелились. В лесу дымилось солнце. В траве играла роса. Женя и Павлик поскорее оделись, умылись и высунулись в окно посмотреть на своего голубка. Но голубка не было. Тогда дети побежали в сад. Искали в саду, искали – нет гуленьки.

– Вы чего здесь ищите? – спросил папа из окна.

– Мы, папочка, голубка своего ищем, гуленьку.

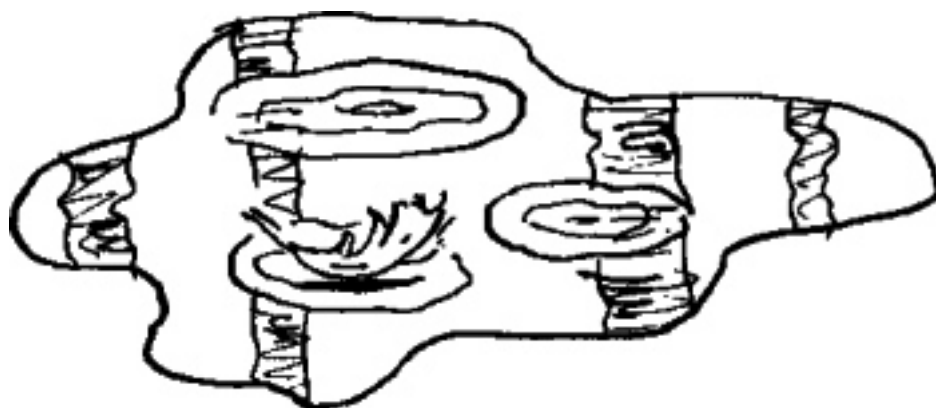
– К сожалению, вашего гуленьку ночью, пока вы спали, съела сова, – сказал папа и показал детям на лужайке под березой совсем небольшую кучку белого пуха и нежных перьев, словно кто снежку посыпал.

Заплакали Женя и Павлик, да делать нечего.

А сова тем временем сидела на чердаке у деда Корнея и облизывалась.

Вот тебе и гуленька!

1940



Жемчужина



В Черном море, у берега Аркадии³, жила прелестная рыбка, молодая султанка, по имени Каролина. Все жители подводного царства восхищались ее красотой. Когда она была еще совсем малюткой и по целым дням носилась вместе с другими мальками и водяными блошками подле берега, подымая в воде целые вихри песка и пугая раков-отшельников, которые в страхе прятались в свои домики, похожие на кувшинчики, уже и тогда она обращала на себя внимание веселым нравом, резвостью и приятной наружностью. Действительно, это был прелестный ребенок.

Когда Каролина подросла и превратилась в молодую рыбку с прозрачным золотистым хвостиком, коралловыми перышками, маленьким ротиком и большими изумрудными глазами, то увидели, что она просто красавица.

Правда, некоторые ее подруги утверждали, что она немного ветреная девушка. Но, я думаю, они говорили это скорее из зависти.

У Каролины не было отбоя от женихов. Стоило посмотреть на нее один раз, чтобы сейчас же влюбиться.

Два морских конька, только что окончивших кавалерийское училище, чуть не подрались у нее под окном. Но Каролина быстро их помирила, сказав, что любит их обоих совершенно одинаково, как братьев, и пока ни за кого замуж не собирается.

Бычок, по имени Леандр, начинающий поэт, известный среди ценителей поэзии своим тонким лирическим дарованием, посылал Каролине триолеты⁴, которые писал на маленьких перламутровых раковинах, и в шкатулке у молодой красавицы этих раковин оказалась целая куча.

³ Арка́дия – приморский курорт г. Одессы.

⁴ Триоле́т (фр. triolet) – стихотворение в восемь строк, из которых 4-я и 7-я повторяют первую, а 8-я – вторую, с рифмовкой по схеме АВАА авАВ.

А пожилой электрический скат Антонио, знаменитый зубной врач и хирург с огромной практикой, который пломбировал и точил зубы всем местным дельфинам, каждый день присылал Каролине богатые подарки, а по воскресеньям являлся сам и делал ей предложение.

Было множество и других женихов, но так как они ничем выдающимся не отличались, то всех их перечислять было бы долго и неинтересно.

И всем женихам прекрасная Каролина с ласковой улыбкой говорила так:

– Благодарю вас за честь, которую вы мне оказываете своим предложением, но, право же, я еще никого не люблю и пока не собираюсь замуж. Я еще слишком молода. Не скрою, вы мне нравитесь, но дайте мне немножко погулять на свободе. Приходите через год, и тогда я вам дам ответ.

И женихи удалялись, еще сильнее очарованные ее красотой и обходительным обращением, правда немного огорченные, но вместе с тем не теряя надежды через год получить ее согласие.

Однажды, собираясь на бал, Каролина рассматривала себя в зеркале и вдруг заметила на боку, под плавником, крошечный прыщик, величиной с песчинку.

Каролина не придавала ему никакого значения, припудрила его и поехала на бал.

Но через несколько дней она заметила, что прыщик вырос и стал с горчичное зерно. Хотя он не причинял ей никакого беспокойства, Каролина встревожилась.

Не теряя времени, она отправилась к своей дальней родственнице, старой камбале Фаине. Старуха по целым дням лежала на дне, зарывшись в песок, никого не принимала, и ходили слухи, что она колдунья.

Камбала Фаина надела черепаховые очки и долго рассматривала горошину, выросшую под плавником Каролины.

– Милая племянница, – наконец сказала она торжественно, – можешь не беспокоиться. Тебе не угрожает никакая опасность. Наоборот, тебе привалило большое счастье. Это зернышко у тебя под плавником есть не что иное, как маленькая жемчужина изумительной формы и необыкновенного качества.

– Как – жемчужина?! – воскликнула Каролина в крайнем удивлении. – Но ведь нам говорили в школе, что жемчуг рождается в раковинах.

– Это верно, – сказала старая камбала, – обычно жемчуг рождается из песчинки в раковине. Но бывают исключения. В одной из моих старых волшебных книг написано, что иногда жемчуг рождается и под плавниками у рыбы. В таком случае жемчужина с течением времени вырастает необыкновенно крупная, совершенно круглая, изумительная по красоте. Подобные рыбы жемчужины ценятся у ювелира баснословно дорого. Одна штучка обычно представляет собой целое состояние. Правда, это бывает очень редко – однажды в сто или двести лет, потому что рыба, у которой вырастает жемчужина, должна быть редкая по красоте и уму, а такие рыбы попадаются не часто.

– О, в таком случае это несомненно жемчужина! – радостно воскликнула Каролина и поплыла домой, осторожно прижав плавник, чтобы как-нибудь случайно не повредить драгоценного зерна.

С этого дня характер Каролины изменился. Она стала пропускать балы, неохотно танцевала и всячески избегала общества своих молоденьких подруг, которые любили побегать и порезвиться. Она стала молчалива, задумчива.

– Что с тобой, Каролиночка? – с тревогой спрашивали подруги. – Уж не больна ли ты?

Но Каролина получила хорошее воспитание и не хотела обижать своих подруг, сказав им, что для нее, избранницы судьбы и счастливой обладательницы бесценной жемчужины, их общество уже не представляет никакого интереса.

Поэтому она вежливо отвечала:

– Нет, благодарю вас, я чувствую себя превосходно.

И на ее прелестном маленьком ротике появлялась таинственная высокомерная улыбка.



Она полюбила одиночество. Оставаясь одна, она обыкновенно вынимала из своей шкатулки зеркало и долго рассматривала свою жемчужину, которая стала уже с небольшую горошину.

– Ах, как медленно растет моя жемчужина! – говорила про себя Каролина. – Впрочем, чем медленней она растет, тем лучшего качества она будет и тем больше я получу за нее денег у ювелира, когда она вырастет с лесной или, еще лучше, с грецкий орех. И тогда я стану самой богатой рыбкой в мире. Пусть растет! Я никуда не спешу. У меня впереди еще целая жизнь.

И когда через год к ней пришли за ответом два морских конька, она, посмотрев на их уже несколько поношенные мундиры, весело рассмеялась и сказала:

– Ах нет, друзья мои! Не будем больше поднимать этот вопрос. Я никогда не выйду замуж ни за одного из вас. Прощайте.

– Но, может быть, вы, прекрасная Каролина, – сказал один из коньков, – по крайней мере, скажете нам на прощанье, что вы будете любить нас, как братьев. Это хоть немного облегчит наше горе.

– Увы, – сказала Каролина, – я вам не могу обещать даже этого.

– Но почему же?! – воскликнули морские коньки.

– Потому, что вы для меня слишком бедны. Это очень жаль. Но, к сожалению, ничего не поделаешь. Такова жизнь.

– Но ведь каждый из нас готов заплатить за ваше богатство своей жизнью! – снова воскликнули коньки.

– К сожалению, мое богатство так велико, что заплатить за него не хватит не только двух ваших жизней, но и жизней всех морских коньков, окончивших вместе с вами кавалерийское училище, – сказала Каролина со вздохом, и на ее ротике появилась таинственная улыбка.

– Тогда мы знаем, что нам остается делать. Прощайте, жестокая Каролина! – сказали коньки и тотчас отправились на войну, где в первом же сражении показали чудеса храбрости, а во втором – были убиты.

То же самое ответила Каролина и остальным своим женихам.

Бычок Леандр зарыдал, сказал, что его жизнь навсегда разбита, и обещал покончить с собой, выбросившись на берег. Однако обещанья своего не исполнил, но вместо этого поломал все раковины с подлинниками триолетов, посвященных жестокой Каролине, а затем поступил фельетонистом в газету, где в очень ядовитых стихах стал бичевать нравы высшего общества, а также высмеивать порядки подводных железных дорог, что быстро принесло ему громкую славу и большие деньги. Что же касается электрического ската Антонио, то он сухо поклонился и сказал:

– Как угодно, сударыня. Не хотите – не надо. Но имейте в виду, я вам этого никогда не прощу.

И с достоинством удалился на заседание хирургического общества, где был почетным председателем.

Время шло. Все подруги Каролины давно повыходили замуж. Многие из них уже имели детей. А Каролина продолжала ходить в девушках и отказывать женихам, которые все еще не переводились, так как Каролина была по-прежнему прекрасна.

– Милая! Что же это будет? – в ужасе говорили подруги. – Ты рискуешь остаться старой девой!

– Ничего, – отвечала Каролина, – я выйду замуж тогда, когда найду достойного.

– Да, но время идет! Ты стареешь. Потом будет слишком поздно.

– Для меня никогда не будет поздно, – говорила Каролина, и на ее губах появлялась знакомая улыбка.

И по-прежнему, оставаясь одна, она разглядывала в зеркале свою жемчужину, которая выросла до размера лесного ореха и уже настолько мешала плавнику двигаться, что Каролине приходилось плавать несколько боком, все время забирая влево, что было не совсем изящно.

Мало-помалу почти все женихи от нее отстали, и только иногда являлись свататься провинциалы из Дофиновки⁵, куда еще не дошли слухи о ее странной недоступности.

Конечно, она уже не была так молода и прекрасна, как раньше, но все же еще могла нравиться. Однако она продолжала ждать, с каждым днем чувствуя, что делается все богаче и богаче. Ее жемчужина уже стала величиной с большой грецкий орех и все еще не переставала расти, так что было жалко продавать ее раньше времени.

К этому времени Каролина совершенно перестала бывать в своем прежнем обществе. Она либо сидела дома одна, рассматривая свою жемчужину, либо проводила время у камбалы Фаины, в обществе пожилых замкнутых устриц, обросших морской травой, и стариков-крабов с лысыми черепами, покрытыми моллюсками. С ними было хотя и скучновато, но можно было сколько угодно молчать, сидя неподвижно на старых консервных жестянках, много лет тому назад выброшенных сюда с берега, и никто не заставлял бегать в горелки или танцевать.

Таким образом прошло еще несколько лет, и Каролина не заметила, как превратилась в старушку.

Зато ее жемчужина стала приближаться уже к небольшому яблоку и была так тяжела, что пожилая красавица с трудом двигалась.

Но прежняя улыбка не сходила с ее губ.

Однажды она возвращалась домой от своей тетушки и села передохнуть на скамеечке в городском сквере, под тенью густых водорослей. Вдруг она увидела, как возле мраморного подъезда лучшего в городе отеля «Морская звезда» остановился блестящий автомобиль, из которого выскочил молодой дельфин такой красоты, что у Каролины потемнело в глазах.

Его маленькие острые зубки сверкали, как самый чистый, самый белый жемчуг, совершенно круглые, неподвижные глаза светились молодо и глупо, как дымчатые топазы, а тугое блестящее тело отливало всеми оттенками синего цвета, начиная с режущего глаза ультра-марина и кончая серовато-голубым, таким мягким и нежным, каким бывает Адриатическое море в марте, через час после заката солнца.

– Это он! – воскликнула Каролина и бросилась за молодым дельфином, который уже успел войти в дом.

Но дорогу ей преградил швейцар – старый и необыкновенно колючий морской еж.

– Что вам угодно, сударыня?

– Мне необходимо видеть этого молодого дельфина! – сдерживая волнение, сказала султанка.

– Не думаю, чтобы его светлость мог вас принять.

– Его светлость?

– Да, сударыня, ибо это принц Эгейский, прибывший сюда всего лишь на несколько часов по весьма важному личному делу. Он приехал сюда жениться и сейчас же после свадьбы отбывает со своей молодой супругой обратно на родину.

– Ну, это мы еще посмотрим, – сказала Каролина, дрожа всем телом. – На ком он женится?

– Вы, сударыня, вероятно, приехали из Дофиновки или давно уже не бывали в обществе. Об этом говорят все. Его высочество женится на мадемуазель Кризолите, старшей дочери мадам Абажур.

⁵ Дофиновка – село близ г. Одессы.

– Как! – в сильнейшем волнении воскликнула Каролина. – Он женится на Кризолите? На этой отвратительной холодной медузе?

– Совершенно верно, сударыня.

– Не может быть! Я не понимаю, что он в ней нашел! Ведь в ней же ровно ничего нет: ни молодости, ни красоты, ни души, ни сердца. Достаточно посмотреть сквозь нее на солнце, чтобы убедиться, что она совершенно пуста, как банка, из которой вылили простоквашу.

– Вы правы, сударыня, но дело в том, что принц Эгейский, несмотря на свою молодость и красоту, недавно окончательно промотался, так что ему остается либо поступить на службу, чего он в силу высокого происхождения никогда себе не позволит, либо жениться на богатой, хотя и отвратительной медузе и взять за ней в приданое сто тысяч.

– Как! Всего только сто тысяч?

– Это большие деньги, сударыня, – серьезно сказал морской еж, – особенно если принять во внимание, что у его высочества нет другого выбора и что его высочество...

Но Каролина не стала дальше слушать болтовню. Она оттолкнула ежа с дороги и хоть при этом сильно укололась, но не обратила на это никакого внимания.

У людей есть такое представление, что у рыб холодная кровь. Это не всегда справедливо. У Каролины кровь оказалась горячая, как кипятки. В тот миг, когда она появилась на пороге салона, принц Эгейский надевал перед зеркалом белые лайковые перчатки. Его красота поразила Каролину еще сильнее, чем в первый раз.

При виде пожилой взволнованной султанки в топазовых фосфорических глазах молодого дельфина мелькнуло изумление. Но Каролина не дала ему произнести ни одного слова.

– Ваше высочество! – сказала она, протягивая к нему с мольбой один плавник, так как другой был уже давно парализован жемчужиной. – Я ждала вас всю жизнь. И вот вы пришли. Я знаю, в обществе не принято, чтобы молоденькая девушка делала первый шаг. Но я его делаю потому, что вы прекрасны, и потому, что я люблю вас.

– Но, сударыня...

– Нет, нет, – продолжала Каролина с жаром, – не говорите мне ничего, пока вы меня не выслушаете. Я знаю все. Я богата. Я не просто богата, а я сказочно богата. Я обладаю сокровищем, равного которому нет в мире. Любой ювелир может дать за него столько денег, что по сравнению с ними жалкое приданое вашей пустой, ничтожной и молодой Кризолиты покажется соринкой. И это сокровище я кладу к вашим ногам. Оно сделает нас самыми богатыми и самыми счастливыми рыбами во всей вселенной. Теперь говорите.

– Гм... – сказал молодой дельфин, который был большим негодяем, и топазовые глаза его алчно сверкнули. – Но я бы хотел увидеть ваше сокровище...

– Оно перед вами, ваше высочество, – сказала Каролина и показала принцу Эгейскому жемчужину, сняв с нее платок, которым она ее всегда покрывала с тех пор, как жемчужина перестала помещаться под плавником.

Дельфин бросил равнодушный взгляд на драгоценность и сказал холодно:

– Видите ли, сударыня, я не большой знаток в жемчугах. В тех морях, откуда я родом, жемчуг не водится. Поэтому я бы предпочел увидеть что-нибудь более для себя привычное. Гм... Например, просто деньги.

– О, ничего не может быть проще! – весело воскликнула Каролина. – Я сейчас схожу к ювелиру и принесу вам корзину денег. Три корзины. Сколько хотите.

– Мне кажется, что было бы довольно и четырех корзин, – сказал молодой дельфин. – Но дело в том, что я боюсь, как бы все это не слишком затянулось. Через час я должен быть в церкви.

– Ровно через час я буду здесь.

– Прекрасно, – сказал дельфин, вынимая из жилетного кармана золотые часы. – Сейчас без четверти три. Если вас не будет без четверти четыре, то я принужден буду, как мне это ни грустно, ехать в церковь и жениться.

Можете себе представить, как мчалась влюбленная Каролина к ювелиру!

То и дело она спотыкалась, падала, присаживалась отдохнуть. Ее старое сердце громко стучало в старой груди. Она так тяжело дышала, как будто ее вынули из воды и бросили на песок. Но ей казалось, что она летит на крыльях.

– Я принесла вам редчайшую вещь, – сказала она, подходя к прилавку ювелира. – Она стоит таких денег, которых у вас даже может и не оказаться в наличности. Но это не имеет значения. Мне нужны пустяки – всего лишь четыре корзины денег. А остальные деньги, сколько бы их ни было, можете оставить у себя. Только, ради бога, поскорее!

Ювелир был старый, опытный краб, привыкший никогда ничему не удивляться. Он вставил в глаз трубку и сказал:

– Присядьте, мадам. Четыре корзины денег у меня, конечно, всегда найдется. Но прежде чем говорить о деньгах, разрешите мне взглянуть на вещь.

И Каролина показала ему жемчужину.

Старый краб долго ее рассматривал со всех сторон, то снимая, то опять надевая свое стеклышко. Наконец он закончил осмотр и сказал:

– Вы правы, сударыня. Это очень, очень большая редкость. Но вы напрасно обратились с этой вещью ко мне. Вам надо было обратиться в какой-нибудь музей или кунсткамеру⁶. Это редчайшая по величине бородавка. А бородавок, к сожалению, наша фирма не покупает.

– Этого не может быть! – воскликнула Каролина, почти теряя сознание. – Это жемчужина. Разве вы не видите? Это самая большая жемчужина в мире!

– Увы, мадам, вы ошибаетесь. Это не жемчужина, а бородавка. К сожалению, я это слишком хорошо знаю. У моей покойной супруги на правой клешне была точно такая же бородавка, только, разумеется, меньших размеров. Она выросла оттого, что на клешню попала песчинка, а моя покойная супруга своевременно не обратила на это внимания. Конечно, бородавка продолжала бы расти и до сих пор, если бы моя супруга по неосторожности не попала в сачок к мальчику, который ловил креветок. Кроме того, вам должно быть известно, сударыня, что жемчуг рождается на внутренних створках особых раковин, которые так и называются – «жемчужницы». Но я никогда не слышал, чтобы жемчуг рождался под плавником у рыбы, хотя и такой прекрасной, как вы, сударыня...

– Но моя тетушка сама, собственными глазами читала в старинной волшебной книге! – начала Каролина голосом, дрожащим, как струна, от горя, отчаяния и ревности, которые разрывали ее сердце.

– Ах, мадам, не следует особенно доверять старинным, а тем более волшебным, книгам. Если бы все, что пишется в старинных и волшебных книгах, было правда, то жить было бы гораздо легче и веселее. Но, я вижу, вы плачете?

Когда красавец Дельфин вышел со своей молодой женой, медузой Кризолитой, из церкви, на паперти среди других нищих рыб стояла Каролина – старая, сгорбленная, со слезами на некогда прекрасных глазах.

Кризолита узнала ее и шепнула своему мужу:

– Обратите, ваше высочество, внимание на эту бедную женщину. Когда-то она была очень красива. Мы с ней учились в одной школе. Она имела большой успех в обществе.

1945

⁶ Кунсткамера – собрание разнообразных редкостей, а также помещение для такого собрания.



Пень



В лесу стоял большой старый пень. Пришла бабушка с сумкой, поклонилась пню и пошла дальше. Пришли две маленькие девочки с кузовками, поклонились пню и пошли дальше. Пришел старик с мешочком, кряхтя, поклонился пню и побрел дальше.

Весь день приходили в лес разные люди, кланялись пню и шли дальше.

Возгордился старый пень и говорит деревьям:

– Видите, даже люди и те мне кланяются. Пришла бабушка – поклонилась, пришли девочки – поклонились, пришел старик – поклонился. Ни один человек не прошел мимо меня, не поклонившись. Стало быть, я здесь, в лесу, у вас самый главный. И вы тоже мне кланяйтесь.

Но деревья молча стояли вокруг него во всей своей гордой и грустной осенней красоте.

Рассердился старый пень и ну кричать:

– Кланяйтесь мне! Я ваш царь!

Но тут прилетела маленькая быстрая синичка, села на молодую березу, ронявшую по одному свои золотые зубчатые листочки, и весело защебетала:

– Ишь как расшумелся на весь лес! Помолчи! Ничего ты не царь, а обыкновенный старый пень. И люди вовсе не тебе кланяются, а ищут возле тебя опёнки. Да и тех не находят. Давно уже все обобрали.

1945



Грибы



К Жене и Павлику приехала из города двоюродная сестра Инночка.

– Ну, дети, – сказала мама, – нечего вам без дела сидеть. Идите в лес за грибами. Посмотрим, кто из вас лучше грибы собирает.

– Я лучше всех собираю, – сказал Павлик.

– Нет, я лучше, – сказала Женья.

А Инночка промолчала. Она вообще любила помалкивать.

Побежали дети в лес и разошлись в разные стороны.

Через час возвращаются.

– Я лучше всех собрал! – кричит Павлик издали. – У меня больше всех грибов, глядите: полное ведро!

Посмотрела мама и улыбнулась:

– Неудивительно, что у тебя полное ведро: ни одного хорошего гриба. Одни только поганки да собачьи грибы⁷. Неважно ты собираешь грибы, друг мой Павлик.

– Ага! – кричит Женья. – Я же говорила, что я лучше всех собираю! Глядите: у меня самые большие и самые красивые грибы – красные в белый горошек. Ни у кого нет таких красивых грибов.

Посмотрела мама и засмеялась:

– Глупенькая, это же мухоморы! Они хоть и красивые, да никуда не годятся. Ими отравиться можно. В общем, ты тоже плохо собираешь грибы, Женечка.

А Инночка стоит в сторонке и помалкивает.

– А ты, Инночка, что же молчишь? Показывай, что насобирила.

– У меня совсем мало, – говорит Инночка застенчиво.

Заглянула мама в Инночкин кузовок, а там десять превосходных грибов. Две прехорошенькие сыроежки, похожие на розовые цветочки; две лисички в желтых китайских шапочках; два двоюродных братца – подосиновик и подберезовик; груздь, рыжик, волнушка. Да

⁷ Собачьи грибы – несъедобные, ядовитые грибы.

большой крепкий пузатый боровик в бархатном берете. А сверх того, еще целое гнездо опят, удалых ребят.

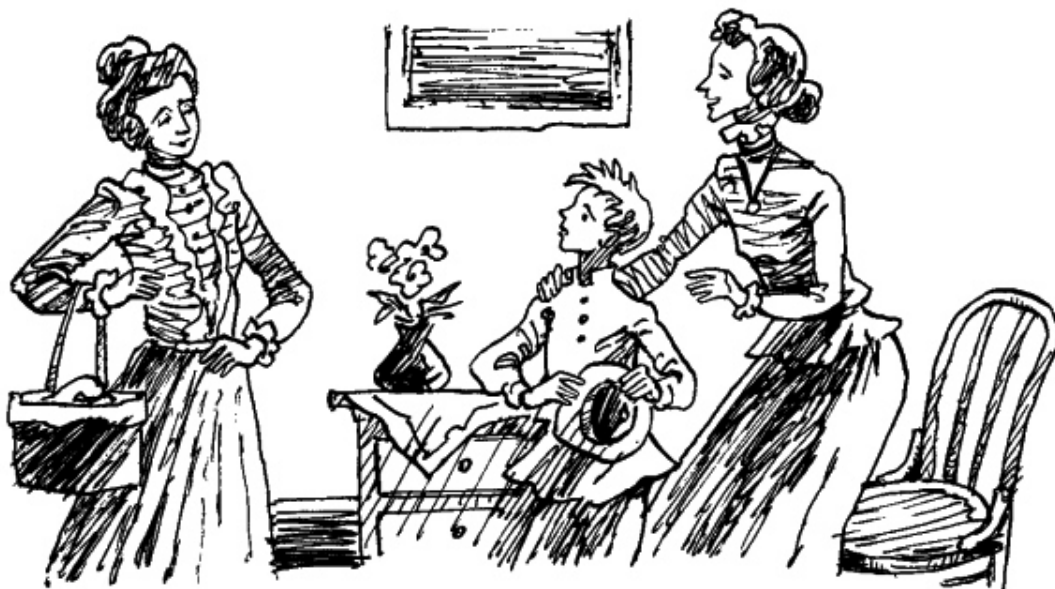
<1947>

Рассказы





Весенний звон



I

– Господи, как он вырос, совсем молодым человеком стал. Я тебя помню еще во-от таким малюсеньким. – При этом жест рукой, показывающий пол-аршина⁸ от полу. – В каком же ты теперь классе?

– Во втором.

– Такой малюсенький, а уже во втором классе!

Это все, что я о себе слышу от окружающих, и всегда возмущаюсь подобными разговорами. Меня сердит непоследовательность всех этих дядюшек, тетюшек, Нин Николаевн и Ольг Эдуардовн, «друзей и знакомых», как пишется в похоронных объявлениях.

Если я «совсем молодой человек», то чего ж удивляться, что я во втором классе? А если я «такой малюсенький», то для чего же говорить, что я «молодой человек»?

Все это в высшей степени противно.

Сам о себе я имею определенное понятие, которое никак не совпадает с мнениями знакомых и родственников. Все они говорят, что я очень милый, симпатичный и развитой ребенок. Мне это льстит, и я готов этому верить, но в глубине души сидит что-то такое, что заставляет меня призадуматься: так ли это?

Подумав хорошенько, я прихожу к убеждению, что я самый что ни на есть обыкновенный второклассник. Учусь отвратительно, но твердо надеюсь на лучшее будущее и считаю свои двойки печальным недоразумением.

У меня есть товарищи: братья Шура и Ваня Горичи, реалист⁹ Женя Макаренко и сын дворника Пантелея, Гриша.

⁸ Пол-аршина – около 35 см. Аршин – старинная русская мера длины, равная 0,71 м.

⁹ Реалист – ученик реального училища, среднего учебного заведения в дореволюционной России.

Мы все живем на одной из четырех улиц дачной местности «Отрада», связаны между собой узами тесной дружбы и называемся «отрадниками».

Главнейшее наше занятие – это азартные игры: бумажки, спички, «ушки» и... разбой, потому что по временам нам кажется, что мы разбойники: бьем из рогаток стекла, дразним местного постового городского Индюком и крадем яблоки в мелочной лавке Каратинского. Разбоем в основном мы занимаемся поздней осенью, почти каждый день, и заключается это занятие в том, что после обеда мы всей ватагой, или, как у нас называется, «голотой», идем к морю, лазим по пустым дачам, до тошноты курим дрянные горькие папиросы «Муза» – три копейки двадцать штук – и усиленно ищем подходящую жертву. От подходящей жертвы требуется, чтобы она была слабее нас и молчала, когда ее будут брать в плен и пытаться.

Одним словом, время я провожу ярко, красочно и в третьей четверти имею четыре официальные двойки, не считая двух неофициальных, переделанных опытным второгодником Галкиным на тройки.

На Страстной неделе все это отходит на задний план и растворяется в море новых наблюдений и впечатлений.

Каждый день утром и вечером я хожу в церковь, и каждый день я нахожу в ней что-то светлое, тихое и грустное. Особенно мне нравится церковь вечером. Длинная великопостная всенощная утомляет. Внимание слабеет, мысли расплываются. Хор поет однообразно, одно-тонно, и лица певчих сквозь голубые волокна ладана кажутся розовыми пятнами. К концу службы я сильно устаю, но усталость эта какая-то славная, приятная. В церковные окна кротко смотрит синий мартовский вечер. Когда же после всенощной я выхожу на воздух, меня охватывает крепкая свежесть весеннего воздуха. Пахнет мокрой землей, нераспустившейся сиренью и еще чем-то неуловимым, тонким – вероятно, прошлогодними листьями. Я гляжу на чуткие бледные звезды и на тонкий серп совсем молодого серебряного месяца, и мне становится стыдно, что я продавал старьевщику калоши и газеты, бил стекла и дразнил городского Индюком: хоть и городской, а все-таки человек.

Я даю себе честное слово навсегда исправиться. И твердо верю, что исправлюсь, непременно исправлюсь.

Мои уличные друзья тоже как-то стушевались, исчезли из поля моего зрения; теперь я с ними почти не вижусь. А если с кем и придется встретиться, то разговариваем больше о предстоящем празднике и мирно мечтаем устроить на первый день крупную азартную игру «в тѣпки» на орехи.

II

Весна во всем. В палисаднике вскопали и засеяли травой газоны. Дворник Пантелей починил подгнившую за зиму скворечню и привязал ее на высоком шесте к тополи. Генеральша из первого этажа развесила у себя на террасе салопы¹⁰, от которых на всю «Отраду» пахнет нафталином и зеленым табаком. Тетя извлекла из-под диванов узкие вазончики с луковицами гиацинтов, посаженных после Рождества. Луковицы пустили сильные зеленые стрелки, и теперь они тянулись к свету, наливались солнцем, и уже на них стали отчетливо заметны пестренькие, голубые, розовые и белые соцветия. Вазоны с гиацинтами выставили на подоконники, и они внесли в дом что-то весеннее, пасхальное.

Вечера светлы и тихи. По утрам заморозки. Днем длинные волокнистые облака тянутся над городом и уходят куда-то за море. В просветах между ними ласково смотрит неяркое

¹⁰ Салоп – верхняя женская одежда, широкая длинная накидка с прорезями для рук или небольшими рукавами, часто на подкладке, вате.

весеннее небо. Ненадолго выглянет солнце, скользнет по крышам, блеснет в лужах, отбросив от домов легкие пепельные тени, и скроется; потом опять выглянет.

В городе шумно и возбужденно-весело. Стучат экипажи. Хрипят и кашляют автомобили, зеркальной зыбью начисто блестят вымытые и протертые витрины магазинов. Кричат газетчики. А кое-где на углах уже продают по гривеннику маленькие букетики нежных парниковых фиалок. Пахнет духами и морским туманом. Весь день гуляет тяжелый, опьяняющий ветерок и ласково закрывает людям ресницы.

Впервые ранняя весна имеет для меня столько нежной прелести: я первый раз в жизни влюблен.

О любви я имею вполне определенные понятия, неизвестно откуда залетевшие в мою буйную голову. Любить можно исключительно весной. Это основное. Затем «она» должна быть изящна и загадочна. Объясняться в любви можно, если хватит храбрости, на словах, желательно в старом, запущенном саду. А если не хватит храбрости на словах, то письменно на розовой надушенной бумаге. Если любовь отвергнута, «она» сразу из загадочной и единственной в мире превращается в самую обыкновенную дуру. «И как, как это меня угораздило влюбиться!» Свидания назначаются обязательно вечером и обязательно где-нибудь «на углу». Соперников мысленно вызывать на дуэль и убивать беспощадно, как собак. Вот и все.

III

Светлый облачный весенний день. Большие блестящие лужи подсохли. И на полянах, под каждым кустиком, под каждым деревцем весело зеленеет новая, молодая, необыкновенно яркая травка.

Нынче я причащался, и на душе у меня светло. За завтраком я пью черный кофе с халвой и ем просвиру¹¹, потом иду гулять и встречаюсь с Борей Стасиным. Боря Стасин – личность, на мой взгляд, оригинальная. Он учится в одном классе со мной и считается хорошим учеником. Он блондин с высоким лбом, наклоненным верхней своей частью вперед. Нос у него маленький, вздернутый. Глазки голубые, умные. Рот, как у окуня, углами вниз. Он вечно сутулится, вертит длинными худыми пальцами. И сосредоточенно морщится. А когда улыбается, показывает передний зуб, который вырос у него боком. Фуражку надвигает на лоб, так что сзади поля так же приподняты, как и спереди. К отрядникам не принадлежит по причине трезвого взгляда на жизнь. Реалист и скептик до мозга костей. Мечтает сделаться корабельным инженером и часто шляется в порт. Я его люблю и считаю лучшим другом.

– Ты куда?

– В порт. Там, говорят, новые миноносцы пришли, трехтрубные. А ты?

– Я на море.

– Зачем?

– Мечтать.

– Гм! Скажите, чего же ты это вздумал мечтать?

Мне трудно ему объяснить, почему именно я вздумал мечтать, а потому я неопределенно роняю:

– Так...

Боря хитро щурится и показывает передний зуб.

– Может, пойдешь со мной в порт?

– Не.

– Идем, интересно: трехтрубные.

¹¹ *Просвірка* (просфора) – белый хлебец особой формы, употребляемый в православном богослужении.

Сердце мое полно любви и счастья. Хочется с кем-нибудь поделиться. Боря – самая подходящая жертва: будет молчать, слушать и соглашаться.

– Ну ладно. Идем.

Мы проходим по весенним улицам и разговариваем о пустяках. Язык у меня чешется нестерпимо, и страстно хочется рассказать ему все: что ее зовут Таней, что я влюблен, что мне грустно, но я не знаю, с чего начать.

Приходим в порт.

Пахнет машинным маслом, морской солью, устрицами, теплым железом, пенькой. По гранитной набережной рассыпаны янтарные граненые кукурузные зерна. Стаи сизых голубей, мягко треща гибкими крыльями, садятся на мостовую, клюют зерна и пьют воду из синих луж.

– Скажи мне, Борис, что такое любовь? – начинаю я издалека.

– Любовь... гм... наверно, это такое чувство, – мямлит Борис неопределенно.

– А ты был когда-нибудь влюблен?

– Конечно нет, – искренне негодует он. – С какой это радости! А что?

– Да так...

Минуту мы молчим и смотрим, как, плавно огибая маяк, выходит в открытое море пузатый угольщик «Ливерпуль».

– А знаешь, Боря, я влюблен.

– Да-а-а? – тянет Боря с видимым интересом. Он уже привык к подобным разговорам. – Ну и что же? Кто «она»?

– Таня К. Знаешь дачу Майораки? С этой дачи. Такая черненькая... загадочная.

– Так надо, брат, поскорее признаваться.

– Как-то не выходит... Страдаю, знаешь...

– Чего ж ты, чудака, страдаешь?

– Да так. Вообще. Грустно.

– И ты ее любишь?

– Люблю.

Боря насмешливо улыбается и ставит вопрос ребром:

– За что?

– Вот странный! Разве любят за что-нибудь? Хотя... У нее папа – художник.

– А сколько ей лет?

– Одиннадцать и два месяца. Но она очень умная. Хочешь на нее посмотреть? Полезем вечером к ним на дачу и посмотрим в окна. Ладно?

– Чего еще! Лезь лучше сам.

– Дурак.

– От такового слышу. Чтобы брюки порвать и чтобы еще садовник шею налупил.

– Не боюсь я садовника. Вчера вечером лазил и брюки не порвал.

– Ну и что?

– Ничего. Стоял у нее под окном и мечтал.

– А она?

– Учила уроки.

– Ты ей нравишься?

– Кажется. Вообще-то я, конечно, успех имею... – Мне еще хочется прибавить «у женщин», но не решаюсь.

Борис смотрит искоса на меня. Я неуклюж, вихраст и черен.

– Да... пожалуй... – говорит он с видом оценщика. – Малость постричься, и тогда ничего, можно. Ну что ж, желаю тебе успеха.

– Спасибо, тебе тоже.

IV

На праздники из института приезжает домой некто Магда Войницкая. Это добрый гений всех местных романов и сердечных увлечений. Нечто вроде свахи. Она очень хитра, дипломатична, как все институтки. Характером и лицом похожа на мальчика, лазит по деревьям и обожает кадетов¹². Устройством романов занимается исключительно из любви к искусству. Сразу же пронюхав, что я влюблен в Танечку, начинает деятельно и бескорыстно помогать. Я ее уважаю, но все-таки с ней надо держать себя осторожно.

– Здравствуйте, как поживаете?

Передо мной Магда. Физиономия у нее в высшей степени хитрая, в руках мешок.

– Здрасте. Ничего себе. Куда это вы с мешком?

– На море. Хочу набрать хорошей глины. Буду учить лепить... угадайте кого?

– Таню, – роняю я слово, которое уже три дня вертится у меня на языке.

– Да. Вы угадали. Таню. Именно ее.

Многозначительное «вы угадали» заставляет меня покраснеть и в замешательстве поднять с земли кусочек стекла.

– А вы куда?

– В церковь.

– Бросьте, пойдем лучше со мной. Будете помогать глину нести. О Тане поговорим.

Я опять нагибаюсь за стеклышком.

– Уж поздно, опоздаю.

– Пустяки. Успеете.

В церковь мне нужно, но я – тряпка. Через дачи мы идем к обрывам и наперегонки сбегает по крутому спуску на берег. За городом садится солнце, и его алый теплый свет мягко заливает косою парус рыбацкой шаланды¹³ и противоположный берег залива – Дофиновку. Штиль. Под берегом вода прозрачна, как стекло, сквозь нее отчетливо просвечивает дно, цветом своим похожее на черепаховый гребень. Бегу и думаю: «Недаром Магда сразу же потащила меня на море, наверное, хочет выведать, „за кем я страдаю“. А может быть, сама Таня просила узнать. Неужели? Господи, как я счастлив!»

Магда выбирает из обрыва чистые крупные куски желтой глины и заводит разные дипломатические разговоры:

– Вы знаете, мы скоро ставим «Евгения Онегина».

– Где?

– В жизни. Вы, конечно, будете играть Онегина, Надя – Ольгу, я – сами понимаете – няню.

– А Таня? – вырывается у меня.

– Ну, Таня и есть Таня, так сказать – Татьяна.

Я ужасно краснею.

– Вы, кажется, очень довольны, что Таня будет играть Таню? – спрашивает Магда, и лицо у нее сияет от удовольствия, что все так хорошо устроивается.

Танечку я люблю сильно, очень сильно, но мне неприятно, что Магда вошла в эту историю. «Какое ей дело?» – думаю я. Мне припоминается фраза, которую я однажды слышал в театре: «По какому праву вы лезете ко мне в душу своими грязными пальцами?»

Я представляю себе, как теперь Магда раструбит про нас с Таней по всей «Отраде». Является непреодолимое желание сказать ей что-нибудь такое, чтобы с ее дипломатической

¹² *Kadét* – воспитанник кадетского корпуса, закрытого среднего военно-учебного заведения.

¹³ *Шаланда* – плоскодонная парусная рыболовная лодка.

физиономии сползло выражение противного блаженства и ехидства. И совсем внезапно, по какому-то дикому вдохновению, я говорю:

– Знаете что, Магда... Только дайте честное слово, что никому не скажете.

– Честное благородное слово, не скажу, – быстро говорит Магда, и на лице у нее столько институтского любопытства, что любо-дорого.

– Так помните: дали честное слово.

– Могу, если хотите, перекреститься.

– Креститесь.

– Святой истинный... – Она размашисто, по-мужски крестится. – Ну говорите скорее.

– Я влюблен в Надю.

– Для меня это ново! А Таня?

– Таня так, для отвода глаз. Чтобы никто не догадался, что в Надю.

Эффект изумительный. Лицо у Магды становится глупым-преглупым, как будто с него большой губкой смыли все институтское сияние и ехидство. Я торжествую. Ведь это так романтично – отвергнуть чью-нибудь любовь. Через минуту Магда приходит в себя и пускает в ход последнее средство.

– Да, кстати... На дачу Майораки перебрался хорошенький реалист Витя Александров, – говорит она, делая наивные глаза и подчеркивая слово «хорошенький».

«Куда это она гнет? И почему именно „хорошенький“?» – с беспокойством думаю я и говорю небрежно:

– Знаю, он раньше жил в городе. Я с ним немного знаком.

– Так представьте: познакомился этот Витя с Таней.

– Ну и что?

– Ничего, познакомился и стал писать ей письма.

– Ну и что?

– И ничего.

– А она что?

– Конечно, сначала не отвечала, а потом ответила; он ей, в общем, понравился. Дайте честное слово, что никому не скажете.

– Честное слово.

– Помните же – дали честное слово. Вчера они до десяти часов вечера гуляли в саду, и Тане нагорело от мамы. Сегодня у них тоже свидание. Только имейте в виду: полное, абсолютное молчание. Черный гроб...

«Изменница, как ей не стыдно! – думаю я, и мне хочется плакать. – Теперь все пропало, все пропало!» От внезапного горя я не думаю даже, что, может быть, и даже наверно, Магда обманывает или просто глупо шутит.

– Ах, у них свидание? Извините, а я-то здесь при чем? Зачем вы мне это говорите? – спрашиваю я дрожащим голосом.

V

В груди у меня закипает злоба против этого чистенького маменькиного сыночка Витьки. И все время, пока Магда роется в глине, я ревную, изобретая план мести. Но я слишком растерзан и уничтожен, чтобы придумать что-нибудь толковое. Кроме того, необходимо держать себя как ни в чем не бывало, а это ужасно трудно. Собираю остатки душевных сил и пытаюсь завести с Магдой холодноватый, светский разговор. Но он не клеится. Возвращаемся домой молча через дачу Майораки. Я хмуро нес мешок с глиной, из которой Танечка будет лепить своими розовыми пальчиками какой-нибудь вздор. Когда проходим мимо домика, где живет она, сердце у меня падает.

– Вы Витю моего не видели?

Оборачиваюсь – Витина мать. Она, в теплом пуховом платке, идет мелкими шажками по дорожке, улыбается.

– Ваш Витя курит, – хмуро говорю я, совершенно неожиданно для самого себя.

– Витя курит?! – На лице у Витиной мамы появляется выражение ужаса. – Мой Витя? Курит? Боже мой!

– Ага, – говорю я, – папиросы «Муза», двадцать штук три копейки.

– Придется его наказать, – говорит она, и в этих словах глубокое огорчение да, пожалуй, еще презрение ко мне.

– Вы что, с ума сошли? – щиплет меня за руку Магда.

Но я уже сломя голову бегу вон с дачи. «Скотина, доносчик, предатель, брехун! – стучит у меня в висках. – А все-таки ловко отомстил, так ему и надо, маменькину сыночку. Пусть не пишет письма кому не надо».



VI

«Теперь все погибло, все кончено. Все меня будут презирать и ненавидеть. Я юда, доносчик, скотина! Как теперь показаться на глаза отрадникам?»

О, чудище с зелеными глазами...

Ночью меня давит кошмар. В голову лезут всякие нелепости, ломит виски. Наутро – жар. Сажу дома. И в церковь на пасхальную заутреню меня решено по этому поводу не брать. В другое время я бы протестовал, но теперь все равно. Целый день давит мозг низость собственного поступка и ревность, ревность, ревность...

Даже кухня и приготовления к пасхальному столу не привлекают моего внимания.

Яйца красят... Ну и пусть себе красят, только скатерти пачкают. Горки зеленые принесли с базара, ну а я-то тут при чем? Не понимаю. Ах, Таня, Таня! Что ты со мной сделала, превратила меня в подлеца!

За обедом ложка валится у меня из рук.

– Что это ты ничего не ешь? Не дай бог, заболеть, может быть, собираешься, – говорит тетка и соображает, сколько будет хлопот, если я заболею как раз на Пасху.

Вечер приближается медленно-медленно. Тень от противоположного дома переползает через улицу на нашу сторону, потом поднимается по стене. Косые растянутые квадраты, что бросало яркое дневное солнце через окна на пол, теперь растянулись еще больше, переползли на обои, стали какого-то желатинового цвета. Почти стемнело, только закат красит в розовую краску трубы на соседнем доме да как жар горят начищенной медью стекла чердачных люков.

На кухне стихает стук ножей и тарелок, но зато начинает пахнуть жареным поросенком.

Из прачечной приносят свежеиспеченные, пухлые, душистые куличи, бережно завернутые в салфетки. Разносится теплый аромат шафрана и цукатов. Тетка и кухарка нянчатся с куличами, как с новорожденными младенцами.

– Вот так пасочки¹⁴! Как пух! Ей-богу! Еще лучше, чем в прошлом году, – говорит кухарка.

Со скуки ложусь спать рано. Засыпаю чутким нервным сном. Сквозь сон слышу, как наши собираются в церковь, как выходят на лестницу и в доме наступает тишина. Где-то внизу хлопает дверь. Глухие голоса.

Комната полна густой теплотой. Кротко теплится лампада и освещает оклады икон и часть потолка, через который тянется длинная тень от вербной пальмы. У нас в Вербное воскресенье наряду с вербой в церквях раздают пальмовые ветки.

Опять засыпаю. Мне снятся темная влажная ночь, сады, пасхальные звезды, перезвон колоколов. Просыпаюсь. Глухо гудит соборный колокол, весело перезванивают в военном госпитале. Соскакиваю с теплой постели, шлепаю по полу, взбираюсь на подоконник и открываю форточку. Черное небо. Звезды. Сырой ветерок.

Заглядываю в столовую, где уже накрыт пасхальный стол и в темноте поблескивают рюмки.

Потом ложусь и опять засыпаю. Сквозь тревожный сон слышу, как хлопают внизу двери. Это наши возвращаются из церкви. В столовой веселые голоса и звон тарелок. Тихими шагами входит в комнату отец и подходит к моей постели.

¹⁴ Пасочка – пасхальный кулич (нар.).

– Спит... ну, Христос воскрес.

Он наклоняется надо мной, и я чувствую на своей теплой щеке его бороду, сырую от мартовской ночи. Притворяюсь спящим. Отец лезет в карман, достает крашеное деревянное яичко, писанку, и кладет мне под подушку. И я сплю до полудня крепким сном измученного человека.

VII

Первый день всякого большого праздника скучен.

К часу дня я умываюсь, надеваю неудобный новый форменный костюм, воротничок, который туго подпирает мою вихрастую голову. Как лунатик, иду на дачу Майораки.

День на редкость теплый и солнечный. В кармане отцовская писанка, а в писанке три рубля. Надеюсь встретиться с Таней, но сталкиваюсь лицом к лицу с Витей. Витя тоже в новом костюме, с ослепительными желтыми «реальными» пуговицами и тугим крахмальным воротником. Минуту мы оба молчим и мнемся. Нам обоим ужасно неловко.

– Христос воскрес! – говорит Витя.

– И тебе тоже. Воистину! – говорю я. – Слушай, ты знаком с Таней Каменской? Только честно?

– С какой Таней Каменской? Нет, не знаком. Я еще здесь никого не знаю.

– Врешь!

– Ей-богу. Хочешь, перекрещусь?

По глазам я вижу, что Витя не врет. Мне становится и стыдно и радостно. Сердце наполняет что-то теплое, праздничное и разбегается по всему моему существу живыми, звонкими струями.

– Прости меня.

– За что?

– За то, что я на тебя наюдил.

– А ты разве юдил?

– Юдил, что ты курил. Тебе, наверное, от мамы досталось?

– Досталось.

– И здорово?

– Порядочно. Но она меня сама застукала, когда я курил.

– Все равно. Прости меня.

– Ну вот... еще чего... я ничего... Мама своими глазами видела.

В эту минуту мне кажется, что Витя самый лучший человек в мире, и мне хочется сделать ему что-нибудь приятное.

– Откуда у тебя такая хорошая цепочка? – спрашиваю я. – От часов?

– Да, для часов. Папа мне вместе с часами из Америки привез.

– Сколько стоит?

– Два доллара.

– А кто твой папа?

– Писатель.

– Врешь.

– Ей-богу.

– Н-ну-у? Что же он пишет?

– Да разное.

– Скажите!.. – удивляюсь я. – Тебе что сегодня подарили?

– Пастельные карандаши. А тебе?

– Мне – три рубля. А сколько стоят карандаши?

- Двенадцать.
- Врешь...
- Ей-богу... Умеешь играть в шахматы?...

VIII

Потом, до самого обеда, я играю с Витей в шахматы. Витя меня каждый раз обыгрывает, но меня это не огорчает. Наоборот, даже приятно. Все-таки, что ни говорить, а я на него наюдил.

Возвращаюсь домой счастливый и голодный. Дома гости. За обедом в столовой солнечно, и дым от папирос легкими синеватыми волокнами переливается в золотых лучах, которые сильными снопами бьют в окна. Форточки открыты, и слышно, как на улице кричат мальчишки, чирикают воробьи и полнозвучно, нескладно перезванивают в церквах.

За обедом я наедаюсь шоколаду.

Часов в пять отправляюсь на полянку и в глубине души хочу увидеть Таню. Срываю в садике прутик сирени с зелеными сочными почками, обкусываю на ходу горькую весеннюю корочку и, захлопнув за собой калитку с жестянкой: «Вход старьевщикам воспрещен!», замираю. На скамеечке, где обыкновенно ночью сидит дворник в тулупе, теперь устроилась Танюша и с ней еще какая-то белокурая девочка. Танюша в чем-то синеньком, в белом фартучке, и в косичках у нее бантики.

В желудке у меня становится пусто и холодно, как перед экзаменом.

– Таня... здравствуйте!

Танюша смотрит на меня не то удивленно, не то разочарованно.

– Здравствуй, – вяло говорит она. – Познакомьтесь с моей подругой. Ольга.

Я неловко по очереди мну в потной руке две розовые душистые ручки и недоумеваю: «Чего это они такие... кислые?» И вдруг соображаю: «Ах я дурак, дурак!.. Да ведь Пасха. Нужно целоваться. Ничего не поделаешь».

– Ах да! – развязно восклицаю я. – Христос воскрес! Я и забыл.

У девочек лица расплываются в счастливые улыбки, и они, опустив ресницы и покраснев, говорят в один голос:

– Ах нет, нет, что вы! Мы с мужчинами не христосуемся.

Пудовая гиря сваливается у меня с души. Все хорошо, но в любви самое паршивое это то, что надо целоваться.

А колокола звонят, звонят, и кажется, что и завтра, и послезавтра, и через год – все время в воздухе над счастливой землей будет стоять светлый, утомительный, весенний звон.

Начало 1914 г.



Ружье



I

Перед самым отъездом на войну штабс-капитан запаса Перченко взял на руки своего пятилетнего бутузика Шурку, крепко поцеловал его щечку, покрытую нежным пушком, как персик.

– Ну, будь умником, не капризничай, не раздражай мамочку и пиши мне почаще... А главное – не раздражай мамочку. Будешь послушным – привезу тебе с войны настоящую немецкую винтовку.

Отцовская ласка была для Шурки в редкость. Она развежила его.

От коротко остриженных усов и бритого подбородка Шурке сделалось хорошо и щекотно. Он выпростал из-под отцовского рукава правую ручонку, нежно потрогал ремень и припал круглой головкой к погону.

– Верно привезешь?

– Что?

– Винтовку.

– А! Привезу, привезу, будь, братец, благонадежен.

На вокзале было очень шумно и многолюдно. Высоко, под самым потолком, ярко горели два электрических шара, и от каждого человека падало по две тени. Шурке это казалось необъяснимым и страшным. Пахло пирожками и перегретым железом. Хотелось спать. На перроне, у поезда, который стоял, освещенный неярким светом, как призрак, среди обычной публики толпилось много военных. И это тоже казалось страшным. Разговаривали вполголоса. В воздухе висел тяжелый, утомляющий гул.

Кто-то плакал.

Когда отец вошел в вагон, паровоз отрывочно свистнул. Потом отец в открытом окне. Мать взяла Шурку на руки и подошла к окну. Он крестил и целовал их то и дело, и Шурка почувствовал, что у отца мокрая щека. Это было тоже страшно, и хотелось уже не плакать, а кричать. Наконец вагоны дернуло, по очереди стукнулись друг о друга буфера, замелькали вагонные окна и лица, тягостно освещенные неправдоподобным светом.

II

На следующий день Шуркина жизнь потекла обычным порядком. Так прошла осень.

Обыкновенно мать по целым дням шила, писала и ждала почтальона. Отец все не приезжал, но зато стали часто приходиться от него письма. Два раза в неделю Шурка видел, как мать входила в комнату с письмом в руках, на ходу разрывая конверт шпилькой. Она быстро пробежала глазами мелко, неровно исписанные страницы и бормотала:

– «Подвигаемся вперед... привыкли к отсутствию комфорта... много дела... пока все благополучно... целую тебя и мальчика... пишите», ага! – «посылайте теплое белье»...

Иногда к матери заходила соседка Гусева. Муж Гусевой был тоже на войне, и обе женщины проводили вечера в тихих разговорах и глубоких вздохах.

Шурка лежал в своей кроватке с полузакрытыми глазами, но сразу заснуть не мог. Он смотрел в угол, где перед иконой горела синяя лампадка. Сквозь щель неплотно запертых дверей просачивался свет и слышались ритмичные ровные голоса. Слов Шурка не слышал, но его баюкали однотонные повышения и понижения голоса. Постепенно Шурка засыпал, и часто снилась ему война. Во сне она была странной и не такой страшной и интересной. Часто в ней кроме папы, пушек, лошадей и разноцветных солдатиков участвовали Шуркины уличные приятели: Колька, Горик и Митейка.

Изредка, когда Шурка капризничал, мать напоминала ему про немецкое ружье.

III

Прошла дождливая осень. Прошли мягкие снежные дни ранней зимы. Скучно прошли Святки. К концу февраля по ночам стал дуть сильный сырой ветер. Выдалось два-три ослепительных солнечных дня с блестящими лужами, синим небом и звонкими воробьями.

И вдруг, внезапно, мать получила сильно запоздавшую телеграмму, а на другой день приехал отец. Он сильно изменился: загорел, обветрил, оброс незнакомой бородой и говорил грубым голосом.

В доме началась суета. Разговоры. Гости.

Незаметно промелькнули четыре дня, и отец опять исчез – как в воду канул, – а у Шурки возле кровати появились большая немецкая винтовка и лакированная каска.

Сначала Шурка возился с винтовкой дома. Он переворачивал стулья, устанавливал на них тяжелое ружье, что должно было изображать пушку, и громко кричал:

– А-а-а!.. Па-а-а!.. Пли!..

Потом бегал в кухню показывать винтовку Аннушке, которая смотрела на нее со скрытым ужасом.

Наконец однажды утром бес тщеславия легонько подтолкнул Шурку и посоветовал:

«А не вынести ли тебе винтовку во двор? А? Вот-то удивятся Колька, Горик и Митейка. Завидовать, чего доброго, будут! Хорошо!»

Шурка надел рыженькое пальтишко, барашковую шапочку с наушниками, вязаные варежки и взял под мышку тяжелое ружье.

IV

Двор был по-утреннему пуст. Длинные холодные тени ложились от домов и деревьев на розоватый асфальт. Вода в жестянке, из которой пьют собаки, замерзла.

Во двор вошел отощавший за последнее время газетчик. Он торопился и держал под мышкой толстую кипу газет. Шурка перебежал ему дорогу, прицелился, щелкнул языком и закричал:

– А-а-а!.. Па-а!.. Пли!..

Газетчик даже не обернулся и свернул в парадную дверь. Это было обидно.

Опять долго никто не появлялся. Начало пощипывать уши. Потом вышел гимназист четвертого класса, Жоржик Бибин из третьего этажа. В руках он держал клеенчатую книгоноску и, судя по кислому заспанному лицу, опять не выучил уроков.

– А у меня есть немецкое ружье. Ага! – сказал Шурка издали с деланным равнодушием. Жоржик Бибин приостановился, заинтересовался.

– А ну-ка, покажь. Откуда у тебя? Батька привез с войны, а?

– Да. С войны. Батька.

Гимназист повертел винтовку в руках.

– А ну-ка, как это она у тебя стреляет? Ага. Так. Понятно.

Жорж прицелился и щелкнул.

– Ловко! Продаешь?

– Что, винтовку?

– Винтовку.

– Хитрый.

– Дурак, я тебе за нее рубль дам.

– Н-н-ну? Правда? Давай.

– Вот вернись из гимназии, так получишь рубль. Смотри же, никому не продавай без меня.

Для Шурки рубль – нечто очень большое, чрезвычайно значительное и почти недостижимое. Подумать только: звонкий полновесный серебряный рубль. Сколько государственной мощи в его выпуклой чеканке! Шурка даже не представлял себе, какое количество вещей можно купить на один рубль. Его гипнотизировало само по себе слово «рубль». И стояло это слово в Шуркиной пятилетней головке рядом с такими же полновесными, значительными словами, как «верста»¹⁵, «бочка», «год», «море», «Россия».

Не что-нибудь, а целковый!

V

Затем немецким ружьем неожиданно заинтересовалась кухарка из второго этажа, возвращавшаяся с базара. Она поставила на землю корзину, из которой выглядывала плоская утиная голова.

– Ишь! Ка-а-кое ру-у-жье! Скажите, люди добрые!

– Да. Немецкое. Это папа с войны привез.

¹⁵ *Верста* – старинная русская мера длины, равная 1,06 км.

– С вой-ны-ы? Скажите! – вздохнула кухарка и добавила: – Теперь усех берут на войну. И сколько людей через ее погибает.

Вероятно, она вспомнила того низенького рябого солдата, который считался ее кавалером, потому что на минутку подняла глаза вверх, стерла указательным пальцем с серебряным кольцом слезу и сердито схватила с земли корзину.

Потом во двор заходил большой хмурый городской. Он долго и настойчиво звонил к дворнику и тоже заинтересовался немецкой винтовкой.

– Что это у тебя? Никак, огнестрельное оружие? А разрешение на ношение имеешь? – пошутил он. – А ну-ка, покажь. Ишь ты!.. Смотри пожалуйста, какая машинерия.

– Немецкое. Папа с войны привез.

– С войны, говоришь? А ну-ка, я раз стрельну.



Городовой с грозной шутливостью приложился, долго искал мишень и наконец прицелился в аспидно-сизого голубя, важно расхаживающего по карнизу. Подмигнул горничной, выглянувшей в окно четвертого этажа, и сказал:

– Пиф-паф! Уже убит.

В руках городского винтовка казалась совсем маленькой.

Потом ружьем интересовалось еще много народа: точильщик, стекольщик, посыльный и почтальон. Даже два каких-то приличных господина, проходивших через двор, с улыбкой переглянулись, и один из них, худой, с длинными волосами, сказал:

– Вот вы жалуетесь на отсутствие сюжетов. А разве это не сюжет? Фронтальная винтовка попала в тыл и ходит по рукам. Ась?

Смысла фразы Шурка не понял, но почувствовал, что сказано что-то важное, после чего винтовка стала еще дороже и вместе с тем страшней.

Слава понемногу кружила ему голову, и Шурка несколько раз в ответ на вопросы о винтовке к своей обычной фразе: «Немецкая. Папа с войны привез», неожиданно для самого себя прибавлял кое-что новое:

– Это что – винтовка! Вот папа мне еще лошадь привезет. А дома у меня еще есть немецкая каска. Ей-богу, святой истинный крест!

VI

Однако только тогда, когда во дворе появились Колька, Горик и Митейка, мальчик ясно понял, какой драгоценностью он обладает. К винтовке подходили, как к величайшей редкости. Как одолжения, просили дать ее потрогать и подержать в руках. К Шурке подлизывались. Сначала он давал винтовку в руки по первой просьбе. Потом стал позволять только потрогать. Потом стал ломаться.

– Шурик, Шурик, дай на минуточку винтовку. Я тут посмотрю одну штучку и сейчас отдам. А? – говорил сладеньким голосом Митейка.

– Нельзя.

– Почему нельзя?

– Потому что нельзя.

– Да почему?

– Да так.

– Да дай! Горика давал, а мне не хочешь?

– Нельзя, говорят! Не хочу!

– Да почему?

– Да так.

– Да дай...

– Не дам.

Потом дворовая компания играла в солдаты, и Шурка был командиром. Командиром его выбрали потому, что командиру не полагается винтовки. Потом из тачки соорудили крепость, играли в сыщика Пинкертон¹⁶, устроили тир для стрельбы в цель. И во всех этих играх главную роль играла винтовка.

Когда же из гимназии вернулся Жоржик Бибин и сказал Шурке: «Ну, давай винтовку, вот тебе семьдесят копеек, а тридцать получишь завтра», – Шурка схватился обеими руками за ружье, предусмотрительно юркнул в подъезд и оттуда крикнул:

– А этого хочешь?

И показал гимназисту дулю.

– Тю-тю! – затюкали Колька, Горик и Митейка, сыпанув по асфальту в разные стороны, как горох.

¹⁶ *Пинкертон* Нат – сыщик, герой серии анонимных изданий с рассказами о его приключениях. Прототипом этого литературного персонажа был реальный человек, знаменитый американский сыщик Аллан Нат Пинкертон (1819–1884).

– Нашел дурака! За рубль такую вещь! Настоящую винтовку! Немецкую, из которой убить даже можно! Хо-орошую! Хи-трый...

День пролетел незаметно.

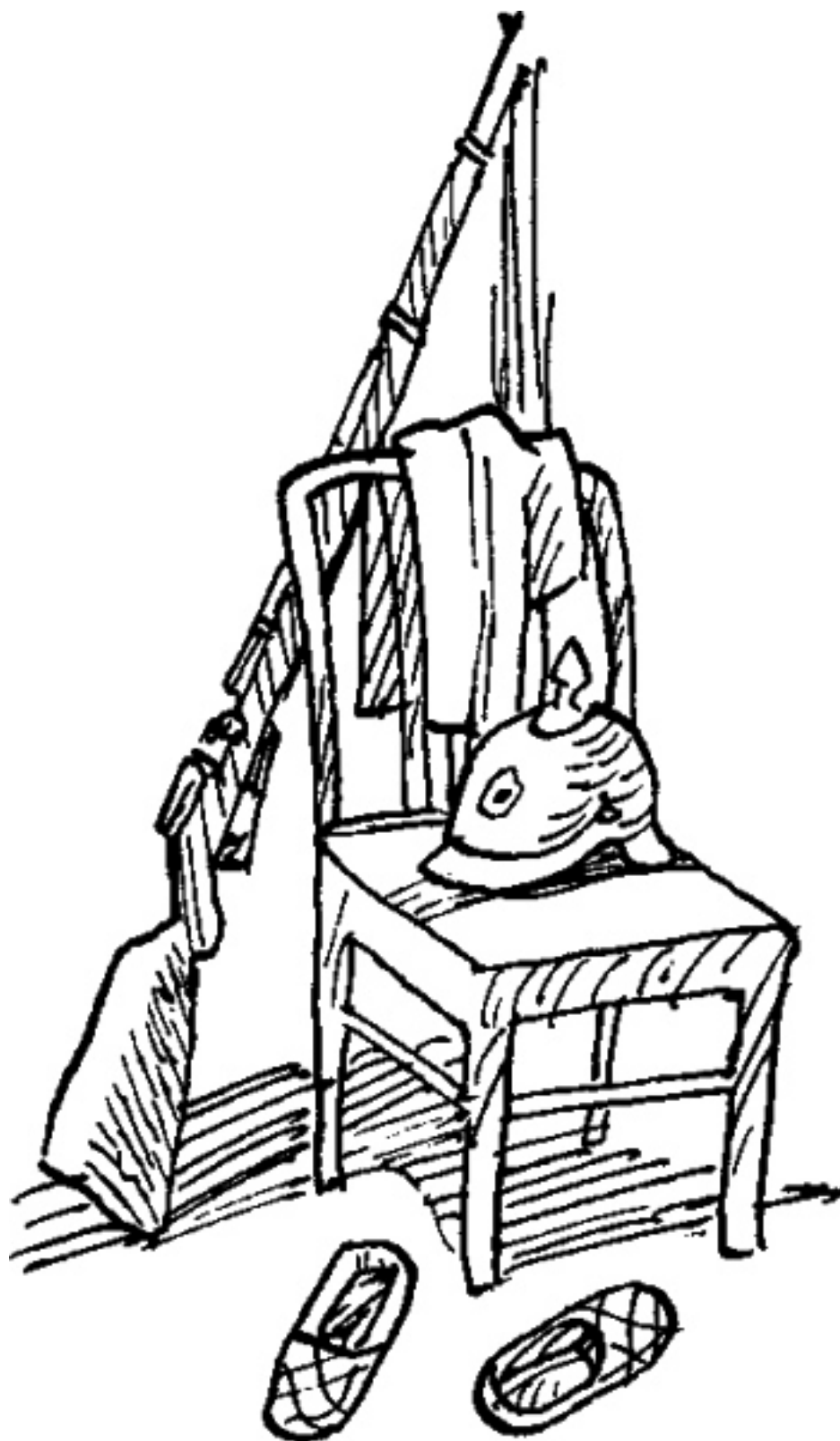
VII

Вечером Шурка с трудом заснул. Снилось ему война: папа, лошади, пушки, пестрые солдатики и винтовка – главнокомандующий. Несколько раз среди ночи он начинал что-то быстро и невнятно выкрикивать. Разбуженная мать подходила к нему, крестила и поправляла одеяло.

– Набегался, нашалился, а теперь вот...

А виновница всего этого, трофейная немецкая винтовка, косо и тяжело стояла в углу, царапая мушкой обои, как бы терпеливо дожидаясь своего часа.

Конец 1914 г.



Барабан



I

На другой день после производства старших юнкеров¹⁷ в офицеры, когда в оркестре освободилось много мест, я сказал:

– Журавлев, возьмите меня в оркестр.

Юнкер Журавлев, старший в оркестре, здоровый и плотный, но похожий на желторотого птенца, посмотрел на меня с удивлением и спросил:

– На чем вы играете?

– На большом барабане, – твердо соврал я.

Журавлев знал, что я пишу стихи, и с игрой на барабане это у него не совмещалось. Он недоверчиво прищурился:

– А вы умеете?

– Умею.

Журавлев почесал у себя за ухом, потом пытливо посмотрел на меня. У меня не хватило нахальства выдержать его честный, открытый взгляд, и я опустил глаза. Тогда Журавлев сказал:

– Нет, Петров. Вы не умеете играть на барабане.

– Да что ж там уметь? Ну бить колотушкой по этой самой, как ее... Тут, понимаете ли, для меня главное дело не барабан, а лишний час отпуска.

У нас в училище музыканты пользовались лишним часом отпуска. Этот довод подействовал, потому что Журавлев глубоко вздохнул, вытащил из кармана помятую бумажку и записал в нее мою фамилию, а против фамилии написал слово «барабан». А когда вечером

¹⁷ Юнкер – воспитанник военного училища.

мы сидели на койках друг против друга и снимали сапоги, Журавлев вдруг сделал испуганные глаза и сказал:

– Но слушайте, Петров, если вы только... это вам не стихи...

Я понял, что дело идет о барабане, и сказал:

– Не беспокойтесь.

Через пять минут я высунул голову из-под одеяла. Меня тревожил один вопрос.

– Журавлев, вы спите?

– Сплю, – ответил Журавлев сердитым и заспанным голосом.

– А скажите, я уже в это воскресенье могу записаться в отпуск на лишний час?

– Можете, – буркнул Журавлев из-под одеяла и, вероятно, сейчас же заснул.

Я же думал о той, ради которой пустился на такую рискованную авантюру с барабаном. Рискованную потому, что за всю свою жизнь я потрогал всего один раз барабан руками. Это случилось когда-то на детском празднике, когда я пробрался к барабану, который всегда пленял меня своей солидностью и блеском, и щелкнул его по туго натянутому полупрозрачному глупому боку. А солдат с рыжими усами сердито сказал:

– Не трожь!

В тот же день для меня стало ясно, что скромная карьера коночного¹⁸ кондуктора, о которой я страстно мечтал в детстве и к которой усиленно готовился с трех лет, не выдерживает ни малейшей критики в сравнении с блестящей светской карьерой барабанщика. Я твердо решил, что когда вырасту большим, то сделаюсь барабанщиком, и, когда маленькие дети станут трогать мой барабан, я буду сердито кричать: «Не трожь!»

Казалось, моя детская мечта сбывается. Утром Журавлев опять пытливо посмотрел на меня и сказал:

– Не забываете, Петров, что барабан ведет за собой весь оркестр.

Это было для меня новостью. Я был готов ко всему, но только не к этому. Дело представлялось мне гораздо проще: оркестр играет свое, а барабанщик между прочим содействует общему успеху. Так, по вдохновению. Однако я решил идти до конца и сказал Журавлеву:

– Надоели вы мне со своим барабаном. Не беспокойтесь. Я умею.

За завтраком Журавлев опять сказал:

– А может быть, вы, Петров, не умеете? Скажите лучше прямо.

– Да умею же, господа. Даже в оркестре играл. У нас в этом... в гимназии оркестр был. Так там. Ничего себе, знаете. Довольно приличный оркестр.

– А вы не врете?

Положительно Журавлев был фанатиком своего дела. Надо было видеть, с каким азартом вербовал он в оркестр корнетистов¹⁹, басов²⁰ и баритонов²¹. Но все-таки он мне надоел.

Если бы не Зиновка, я сознался бы во всем. Но ради лишнего часа свидания с любимой женщиной человек способен на какую угодно глупость. Об этом можно бы написать целое сочинение, но это в мои планы не входит.

¹⁸ Кóнка – городская железная дорога с конной тягой, существовавшая до появления трамвая.

¹⁹ Корнетист – музыкант, играющий на корнете, медном духовом инструменте в виде рожка.

²⁰ Бас – обладатель самого низкого мужского голоса.

²¹ Баритон – обладатель среднего по высоте между басом и тенором голоса.

II

До этого времени жизнь моя была легка и сравнительно беззаботна. Утром, на лекциях тактики²², фортификации²³ и артиллерии, мне снились чудные золотые сны про офицерские бриджи, погоны с одной звездочкой. После завтрака, на строевых занятиях, я дышал здоровым зимним воздухом, а если рота выходила к морю и, проходя через город, пела песни, я тоже пел во весь голос. Голос у меня был сильный и похожий на вопль умирающего лебедя. Притом ни малейшего намека на слух.

²² *Тактика* – составная часть военного искусства, включающая теорию и практику подготовки и ведения боя.

²³ *Фортифика́ция* – военно-инженерная наука о строительстве оборонительных сооружений и укреплений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.